

Отзыв на диссертацию:

РЫБАКОВА Ирина Викторовна. ТРАДИЦИЯ И НОВАЦИЯ В «АРГОНАВТИКЕ» АПОЛЛОНИЯ РОДОССКОГО (лексика – композиция – стиль). Специальность 10.02.14 – классическая филология, византийская и новогреческая филология.

Ирина Викторовна Рыбакова написала в высшей степени интересную работу о противоречиях, которые приходится преодолевать как обычным читателям, так и исследователям ученой поэзии Аполлония Родосского с каждой новой эпохой. Формальное требование "актуальности" от диссертантов и их научных руководителей в данном случае обладает и большим фактическим содержанием: за минувшие со времени публикации крупных исследований "Аргонавтики" десятилетия были и сделаны замечательные новые находки, и написаны новые исследования, пока не включенные в научный и культурный обиход в России. Несколько десятилетий отделяют сегодняшнего русского читателя и от времени появления последнего перевода "Аргонавтики": а ведь язык, переводческие стратегии зависят решающим образом от новых, современных исследований. Вот оно и появляется.

В начале диссертации автор разбирает привычное представление, согласно которому Аполлоний – консервативный и не особенно высоко ценимый учителем ученик новатора Каллимаха. Но постепенно Рыбакова убедительно и на основе тонкого и вдумчивого анализа лексико-стилистического, композиционного и жанрового своеобразия "Аргонавтики" показывает, что это – сильно упрощенный подход, а достижения Аполлония как поэта и исследователя раскрыты далеко не в полной мере.

Есть несколько обстоятельств, которые делают Аполлония трудным автором для исследователя.

Во-первых, почти полтысячи лет, которые разделяют эпоху предположительного создания гомеровских поэм и время работы Аполлония над "Аргонавтикой", не дают нам ни одного законченного эпического произведения, через которое можно было бы провести линию и сказать, что есть, мол, греческая героико-эпическая традиция. Поэтому ответ на вопрос, как понимать "Аргонавтику", будет занимать поколения исследователей, которые будут по-разному смотреть на эти четыре-пять столетий. Вопрос, поставленный в начале работы, -- о способе обращения с гомеровским языком, гомеровскими образами, гомеровскими формулами, гомеровской географией, который показывает нам Аполлоний, действительно актуален¹.

Второе обстоятельство: для ответа на поставленный вопрос любое исследование поэмы "Аргонавтика" требует глубокого погружения в возможно более мелкие детали текста для

¹ Вместе с тем, мне кажется не слишком убедительной мотивировка актуальности в самой работе: "Актуальность данного исследования обусловлена тем, что из отечественных ученых, занимавшихся детальным изучением творчества Аполлония Родосского, можно назвать только Н.А. Чистякову и О.В. Смыку. Однако результаты их исследований нуждаются в дополнениях и уточнениях, учитывая достижения западных исследователей" (с.3).

сплошного сопоставления целых мотивных и тематических гнезд с гомеровским и другими прецедентными текстами, – постольку, поскольку поле для сравнения в близком окружении Аполлония – отсутствует. И в рецензируемой диссертации – в ее первых двух главах – мы находим очень хороший, полезный и скрупулезный разбор поэтического арсенала Аполлония – от деконструкции в "Аргонавтике" формульного языка Гомера (первые параграфы второй главы) до особенностей лепки главных персонажей и композиционной организации с использованием поэтических средств, заимствованных и у других жанров (от Гесиода до Пиндара в IV главе).

В конечном счете, до Аполлония вся эпическая традиция сводится к "Илиаде" и "Одиссее", и "Аргонавтика" оказывается даже не столько комментарием к Гомеру, сколько искуснейшей научно-литературной игрой, в которую предлагается играть, читая, знатокам и "Одиссеи", и Гесиода, и Пиндара, и Еврипида. Ирина Викторовна очень внимательно прослеживает путь, который Аполлоний проходит – обычно в пределах одного стиха! – от филологической глоссы до создания иллюзии свободного полета поэтического вдохновения. Литературный, книжный памятник, возникший как исследовательский комментарий к записанному произведению устной словесности, становится действующей учебной моделью. Ирина Рыбакова прекрасно анализирует "способы «работы» с этой моделью", хорошо показывает, как "Аполлоний создает свои формулы, которые "становятся связующими лейтмотивами повествования". (с. 80)

Большим достоинством работы Ирины Рыбаковой является созданная ею в тексте атмосфера интенсивного диалога с основными исследователями "Аргонавтики" – от старших коллег по кафедре и вообще российскому цеху специалистов по Александрийской поэзии до ушедших классиков классической филологии недавнего или глубокого прошлого. Автор учла богатую литературу по теме. Правда, в некоторых случаях Ирина Викторовна отбрасывает соображения, которые отлично вписываются в ее концепцию. Так, говоря о поэтической технике, диссертантка находит любопытное суждение: "Р.В.Альбис считает, что александрийский поэт стремится создать впечатление, что действие поэмы синхронно авторскому рассказу о нем". Мы же предполагаем, что александрийский поэт создавал описание маршрута героев в соответствии с канонам гимнического жанра". Между тем, противопоставление здесь кажется излишним: гимнический жанр как раз и характеризуется синхронностью "авторского обращения" и "божественного внимания" к оному.

Пожалуй, единственный замеченный мною в этом контексте просчет – недостаточное внимание к теории такого важного для изучаемого автора жанра, как комментарий. Автор диссертации, как кажется, иногда пугается собственных результатов и старается укутать свои наблюдения об "Аргонавтике" в кокон извинений, что, мол, Аполлоний, конечно, ученый, но все же часто "демонстрирует настоящее поэтическое мастерство". Так, на с. 77 читаем, что "лексическое варьирование или метрическое смещение Аполлоном традиционных формул становится еще одним вариантом своеобразного поэтического «комментария», к которому поэт прибегает на всех уровнях своего произведения. Формулы служат скрытыми отсылками к гомеровской поэме: находясь в контексте узнаваемого «гомеровского» эпизода, они становятся цитатами, которые должны вызвать в памяти читателя какое-то конкретное место «Одиссеи». В то же время, видоизменяя традиционный облик гомеровского выражения, Аполлоний демонстрирует собственное поэтическое искусство, способность к новому «изобретению» в рамках эпической

традиции". Автор прекрасно показывает, что как поэт Аполлоний – поэт литературы, а вот как филолог и комментатор – поэт языка. Поэтому и невозможно требовать от "поэта литературы" импровизационной техники, считая именно ее выражением некоего высшего поэтического достоинства.

Как показывает автор диссертации в других случаях, собственное поэтическое искусство держится у Аполлония почти исключительно на работе с чужим поэтическим арсеналом, который автор "Аргонавтики" к тому же постоянно выпячивает, вовлекая своего читателя в игру-угадайку. В некоторых случаях очевидно вызывающее смещение фокуса с гомеровского прототипа на новую не только поэтическую, но и культурно-социальную реальность. Так, в мифе о Кирке, которая должна очистить Ясона и Медею от скверны, Аполлоний отказывается от "традиционной" героини "Одиссеи" – лишенной представлений о морали ведьмы, но зато развивает совершенно новый психологический мотив: Кирка у него готова помогать Ясону и Медее, хотя и осуждает их за совершенные и уже "смытые" прегрешения. Таким образом, весь эпизод становится для читателя комментарием к "удаленному" тексту "Одиссеи", но написанным по основным правилам самой "Одиссеи" и с применением новой драматургической техники. Необыкновенная искусность Аполлония позволяет ему играть с читателем разного уровня владения историей литературы, и соискательница прекрасно показывает, как именно это происходит в каждом конкретном случае. Как пишет Ирина Рыбакова, "традиционные формульные словосочетания, использованные в перекликающих эпизодах поэмы, начинают играть роль внутренних отсылок, выявляя, тем самым, структурные особенности поэмы. В то же время, с их помощью александрийский поэт отмечает в своей поэме эпизоды, имеющие параллели в «Илиаде» и «Одиссее». В этих случаях сквозь текст Аполлония проступает гомеровский текст, и они вступают во взаимодействие в сознании читателя" (с. 112-113). В этом верном наблюдении есть, пожалуй, только одна оптическая неточность: "традиционным" то или иное формульное сочетание делает сам александрийский поэт. Искомая "новация", собственно говоря, и состоит в создании того, что мы сейчас называем "традицией".

К сожалению, как я уже сказал, Ирина Викторовна иногда побаивается собственных находок, вследствие чего не подчеркивает релевантность этих находок для диссертации. Так, подытоживая свои наблюдения в первой главе (с.46), автор вдруг объявляет, что "о филологической деятельности александрийских поэтов известно немного". Как же "немного", когда вся Ваша работа, Ирина Викторовна, посвящена именно этой филологической деятельности! Вы нашли замечательную формулировку для объяснения того, что именно делает Аполлоний со своим читателем, говоря на с.56, что аллюзии на гомеровские и другие тексты, "оказавшись в «Аргонавтике» в неожиданном контексте, провоцируют умственную работу читателя, вовлекают его в творческий процесс..."

Когда Ирина Викторовна будет превращать свою диссертацию в книгу, а для этого в диссертации есть все предпосылки, я бы очень советовал обратить внимание на замечательную публикацию, которая дала бы работе столь необходимый методологический импульс. Тем более, что речь идет о коллективной монографии, подготовленной, кажется, в стенах РГГУ. Так, в статье Нины

Владимировны Брагинской в сборнике "Культура интерпретации до начала нового времени"² содержится, среди прочего, и чрезвычайно важное, можно сказать – принципиальное для автора рецензируемой диссертации положение об особом месте комментирования (здесь не место вдаваться в типологию и нюансировку жанрового многообразия комментария) в античности, и особенно в литературе изучаемой эпохи. Думаю, что знакомство со всем сборником позволит уточнить некоторые формулировки, продиктованные сильно искажающей оптикой нового времени. Так, говоря, что "Аполлоний, с одной стороны, подчеркивает свою оригинальность, а с другой, – выступает как продолжатель традиции", автор предлагает нам обратную перспективу, опровергаемую в следующем предложении: "Первая (т.е. оригинальность – Г.Г.) проявляется, прежде всего, в уточнении различных фактических подробностей (имена, события, географические названия), весьма напоминающем труд ученого филолога-комментатора". (с. 117)

Эта оптика противопоставляет собственное интуитивное творчество выверенному научно-поэтическому эксперименту как поэтическое новаторство библиотечарскому традиционализму и только мешает тому пониманию александрийской поэзии, которое демонстрирует автор рецензируемой работы на конкретных примерах.

Ценны наблюдения диссертантки, в частности, над жанровым богатством каталогов, которые "проникают непосредственно в повествование, что еще раз подчеркивает стремление Аполлония максимально естественно соединять традиционные вставные элементы, вроде каталога, с собственно развитием сюжета" (с. 140). Стоит заметить, что эпитет "естественный" тут вряд ли подходит: каталог – предельно искусственный жанр, но без его разработки у Аполлония Родосского мы бы едва ли понимали его место и у Гомера.

Большой интерес представляют суждения автора диссертации о различных проявлениях "пойкилии", лексического и жанрового разнообразия у Аполлония. Всячески "избегая повторов", автор "Аргонавтики", однако, не столько действует, как пишет И.Рыбакова, "в полном соответствии с общим стремлением александрийских поэтов к «разнообразию»" (с.113), сколько сам создает "это стремление", обеспечивая замечательный контраст между созданной им научно-учебной моделью эпоса и комментируемым гомеровским образцом. Как именно замечательное художественное произведение на глазах читателя превращается и в сложный и нуждающийся в расшифровке научно-исследовательский комментарий к Гомеру, и показывает нам диссертация И.В.Рыбаковой.

Когда в III главе диссертации автор ставит "перед собой задачу выяснить, стремится ли Аполлоний, подобно другим александрийским поэтам, творить в рамках одного художественного произведения по законам нескольких жанров, то есть к жанровой пойкилии", то здесь сразу возникает и предварительный вопрос, а что же такое для него само это художественное произведение (ποίημα) – соединенное, сплетенное в одном тексте стихотворное произведение (поэма в русском значении этого слова) и комментирующее исследование директора библиотеки и архива. Именно этот вопрос занимает и автора диссертации: не случайно так много внимания

² М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2009.

Ирина Викторовна уделяет противостоянию Аполлония и Каллимаха как основанному все же на разном понимании литературного произведения как такового.

Все высказанные замечания являются рабочими и ни в коей мере не ставят под сомнение тот факт, что диссертация И.В.Рыбаковой – очень хорошая, полезная, богатая мыслями работа, решившая задачи, которые стояли перед автором.

По теме диссертации И.В.Рыбакова опубликовала несколько статей. Автореферат в полной мере отражает содержание работы. По итогам изучения работы можно сделать следующий вывод: диссертация Ирины Викторовны Рыбаковой является самостоятельным и серьезным исследованием, соответствующим всем требованиям пп. 9 и 10 Положения о порядке присуждения ученых степеней ВАК Министерства образования и науки РФ, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.14 – Классическая филология, византийская и новогреческая филология.

Гусейнов Гасан Чингизович
доктор филологических наук
профессор факультета филологии НИУ-ВШЭ

ул. Черняховского, д. 8А, кв. 97

Моб. тел.: +7 9269179192

Дом. тел.: +74957317725

gusejnov@gmail.com

ПОДПИСЬ ЗАВЕРЯЮ

УПРАВЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛА
ЗАМ, НАЧ, ОТДЕЛА ПО
РАБОТЕ С НПР
ТИХОНОВА Е.Р.

20.05.2014

